

Долина счастья

Автор:

[Пенни Джордан](#)

Долина счастья

Пенни Джордан

Любовный роман – Harlequin #257

Фелисити выросла с матерью-англичанкой. Родовитая семья ее отца отреклась от них. Фелисити винила в этом прежде всего Видаля, герцога де Фуэнтуалва. Когда девушка приехала после смерти отца в Испанию, неприязнь к Видалю вспыхнула с новой силой. Герцог отвечал ей тем же. Чем закончится это противостояние? И правда ли, что от ненависти до любви один шаг?

Джордан Пенни

Долина счастья

Глава 1

Высоченный темноволосый испанец взглянул на девушку сверху вниз: – Фелисити.

В его голосе не было ни капли эмоций. Никакой доброжелательности по отношению к ней. А лицо... Выражение лица говорило об оскорбительном, почти непреодолимом отвращении. Фелисити знала, что Видадь Сальвадорес, герцог де Фуэнтуалва, никогда не будет рад ее появлению здесь, на его родной земле. Впрочем, в каком-то смысле это была и ее родная земля, так как покойный отец

Фелисити был испанцем.

Испанцем и в некотором смысле дядей Видаля.

Перед тем как приехать сюда, Флис провела немало бессонных ночей и собрала всю свою храбрость, но она ни под каким видом не собиралась рассказывать об этом Видалю. Она ничего у него не попросит, так как прекрасно знает, что он ничего ей не даст.

В Фелисити нарастала паника, заставляя сердце биться все сильнее. Пульс зачастил. Она не должна думать об этом. Не сейчас, когда ей необходимо быть очень сильной. Девушка не сомневалась, что ее храбрость исчезнет, как мираж под лучами палящего андалусского солнца, если она позволит воскреснуть этим ужасным постыдным воспоминаниям.

Флис никогда прежде так не нуждалась в поддержке и любви своей матери, а также в трех подругах, общение с которыми придавало ей сил. Но они, как и мама, теперь исчезли из ее жизни. Подруги, конечно, живы, в отличие от мамы Флис, но работа разбросала их по всему свету. Только Фелисити осталась в родном городе и работала сейчас заместителем директора в туристической компании. Это была ответственная, требующая больших физических и эмоциональных затрат работа.

Работа, из-за которой Флис могла позволить себе сказать, что она слишком занята и у нее нет времени на серьезные отношения с мужчиной.

Такие мысли были подобны пронизывающей зубной боли – мгновенной и острой. Лучше подумать о том, почему Фелисити решила использовать часть отпуска, полученного после изматывающих месяцев работы, для поездки в Испанию, хотя на самом деле завещание отца могло быть оглашено без ее присутствия – чего и добивался Видаль.

Если бы только ей хватило смелости отказаться от своего собственного прошлого. Если бы только Флис не была прикована к этому прошлому скандалом настолько грязным, что ей никогда не отмыться. Если бы только... В ее жизни было слишком много «если бы только», причем большая их часть появилась по вине Видаля.

В пестрой толпе шумного испанского аэропорта, где только что приземлился самолет Фелисити, к ней подошел Видаль. Девушку мгновенно охватила паника, и она замерла, не способная ни говорить, ни двигаться.

Прошло около семи лет с того момента, когда Флис в последний раз видела Видаля, тем не менее она сразу же узнала его. Иначе и быть не могло – настолько неизгладимый след он оставил в ее памяти. След настолько глубокий и ядовитый, что раны Фелисити до сих пор не зажили. «Чепуха», – твердила себе Флис. У него нет власти над ней – абсолютно никакой. И она приехала, чтобы доказать ему это.

– Тебе не стоило встречать меня, – сказала она, пытаясь поднять голову и посмотреть Видалю в глаза. В те самые глаза, взгляд которых однажды разом уничтожил и ее гордость, и чувство собственного достоинства.

У Флис все внутри перевернулось, пока она любовалась его красивым, надменным, аристократическим, мужественным профилем. Видаль презрительно скривил рот. Заходящее солнце освещало его густые темные волосы. Фелисити не была коротышкой, однако ей пришлось закинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Внутри немедленно запылал огонь. Уставшая от жары и перелета Флис тряхнула копной своих длинных золотистых волос. От влажного климата на ее висках начали завиваться кудряшки, хотя она очень старалась придать прическе идеальную форму. Девушка предпочитала повседневную одежду и сейчас на ней были уже не раз стиранные полинявшие джинсы и свободная хлопковая белая майка. Куртка, в которой Флис села в самолет в Великобритании, была убрана в объемную кожаную сумку.

Видаль замер, увидев развевающиеся на ветру медового цвета волосы Фелисити. Они напомнили ему их последнюю встречу. Тогда ее волосы разметались по подушке, а девушка наслаждалась любовными играми с молодым парнем до тех пор, пока Видаль и Аннабель, ее мать, не нарушили их уединение.

В гневе он отвел от нее взгляд. Видаль был категорически против того, чтобы Фелисити приезжала. Ее моральные принципы, если их можно назвать таковыми, оскорбляли его.

Он стал очевидцем того, как она, предавшись распутству в шестнадцать лет, без тени стыда демонстрировала свою дерзкую чувственность. Это заставило Видаля ощутить отвращение. Вместе с тем, словно меч, его пронзила мгновенная обжигающая страсть. В душе нарастало презрение к самому себе оттого, что он так и не сумел справиться со своими чувствами.

Фелисити словно пробиралась ему под кожу, но Видаля никогда не позволит ей вернуться в его сердце.

«Мне не следовало приезжать сюда», – повторяла про себя Флис. Она не предполагала, что ей придется противостоять Видалю, не знала, что именно он думает о ней и почему. Но как она могла не приехать? Как отказать себе в последней возможности узнать что-то о человеке, который был ее отцом?

В отличие от Фелисити Видаля выглядел безупречно, несмотря на зной. На нем был бежевый костюм, который потрясающе смотрелся на молодом испанце. Голубая майка под пиджаком подчеркивала золотистый блеск его глаз. То были глаза врага, глаза хищника, холодные, жестокие и грозные. Фелисити понимала, что никогда не сможет забыть эти глаза. Они снились ей в кошмарах, их взгляд замораживал. Полные презрения, они уничтожали ее гордость.

Флис не собиралась демонстрировать Видалю свои чувства. Она не станет сжиматься от страха под этим острым и тяжелым взглядом – точно так же, как не позволит Видалю запугать ее. Только себе самой девушка могла признаться: она была действительно шокирована тем, что Видаля встретил ее в аэропорту. Флис не ожидала этого, несмотря на то что написала адвокатам, проинформировав их о своих планах – о планах, которые, она была уверена, не понравятся Видалю, но которые она менять не собиралась. Ощущение победы смешалось с зарядом адреналина, когда Флис представила, как утрет ему нос.

– А ты не изменился, Видаля, – заявила она, набравшись храбрости. – Очевидно, тебе до сих пор ненавистна мысль, что я дочь Филиппа. Кроме того, отчасти и тебя стоит поблагодарить за разлуку моих родителей, не так ли? Именно ты выдал их своей бабушке.

– Им никогда не позволили бы пожениться.

Флис знала, что это была правда – ее мама часто говорила об этом, скорее с грустью в голосе, чем с горечью. Но она не собиралась так легко отказаться от возможности задеть Видаля.

– Они могли бы найти выход, если бы у них было больше времени.

Видадь отвел взгляд. В его памяти возникли воспоминания, которые он очень хотел забыть: звук его собственного детского голоса, когда наивный мальчик рассказывал бабушке о том, как он и учительница английского языка неожиданно встретили дядю Филиппа во время поездки в Альгамбру. Маленький Видадь тогда не знал, что дядя должен был находиться в Мадриде по делам семейного бизнеса, и конечно же он не понимал значимости этой случайной встречи.

Бабушка Видаля сразу поняла, в чем дело. Филипп был сыном ее старой подруги, Марии Ромеро, вдовы из обедневшего аристократического рода. Когда Мария узнала, что неизлечимо больна раком и ей осталось жить пару месяцев, она попросила бабушку Видаля усыновить после ее смерти двенадцатилетнего Филиппа и вырастить его как собственного ребенка. И бабушка, и Мария разделяли закоренелую веру в то, что представители аристократии должны жениться только на тех, кто соответствует их статусу и бережно хранит традиции.

«Вина – это тяжкое бремя», – подумал Видадь.

– Им бы никогда не позволили пожениться, – повторил он.

Флис разозлилась. Как же он отвратителен со своим высокомерием и гордостью, холодной как лед и тяжелой как камень! Формально ее мать умерла от сердечной недостаточности, но кто может с уверенностью сказать, что эта самая недостаточность не была вызвана разбитым сердцем и разрушенными мечтами? Матери Флис было только тридцать три года, когда она скончалась, а Флис – около восемнадцати. Она как раз поступала в университет. В восемнадцать лет она еще была молоденькой девчонкой, но сейчас – в двадцать три – Фелисити была умудренной опытом женщиной.

Интересно, этот румянец на золотистой коже является знаком осознания Видалем своей вины? Фелисити сомневалась. Скорее всего, эта особенность

организма досталась ему от аристократических предков, в жилах которых текла чистейшая кастильская кровь. Этот человек просто не способен на настоящие чувства, свойственные обычным людям. Даже кровь у него иная. Поговаривали, правда, что эта кровь давным-давно смешалась с кровью мавританской принцессы, которую возжелал гордый кастилец, враг ее семьи. Он похитил принцессу ради собственного удовольствия, и в итоге она родила ему сына вне брака. Кастилец вскоре бросил свою наложницу и забрал у нее ребенка, а принцесса умерла от горя.

Флис не сомневалась, что предок человека, который сейчас стоял перед ней, способен совершить такой ужасный поступок. Когда мама впервые рассказала ей старую историю о кастильском герцоге, Флис сразу же связала ее с герцогом нынешним. Видаль и его пращур были одинаково жестоки, высокомерны, не уважали чужие чувства и не сомневались в том, что у них есть право издеваться над людьми, судить их и осуждать, не позволяя им защититься.

Ее отец... Фелисити часто думала о своем отце, представляла их встречу, втайне страстно желая осуществить ее.

Она жила в стильно обставленной квартире, в элегантном старинном английском особняке, перепланированном под несколько апартаментов. Окружали дом чудесные сады, теннисный корт, бассейн и тренажерный зал. В красивом бюро Флис хранила коробку с письмами, которые она написала отцу. Она так никогда их и не отправила. Эти письма она прятала от матери, не желая причинить ей боль.

Бабушка, должно быть, была тем человеком, который разлучил ее родителей, но именно Видаль ни под каким видом не позволял Фелисити встречаться с отцом. Видаль лишил ее права познакомиться с ним. Он, видите ли, считал, что она недостаточно хороша, чтобы считаться членом семьи.

– Зачем ты приехала, Фелисити?

Холод в голосе Видаля задел ее гордость.

– Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь. Из-за завещания моего отца.

Когда Флис сказала «моего отца», то почувствовала, как эмоции, которые она всегда старалась подавить, начинают вырываться из-под контроля. Она испытывала такую боль, такой стыд на протяжении долгих лет из-за неприятия ее и ее матери семьей отца. И для Фелисити Видаля был воплощением этого неприятия. Он причинил ей боль намного большую, чем отец.

Флис боролась с эмоциями, готовыми захлестнуть ее. Она боялась продемонстрировать их, так как не желала, чтобы Видаля увидел, насколько она уязвима.

Правда же заключалась в том, что она приехала сюда не в погоне за какой-либо материальной выгодой, не из-за завещания отца. Завещание – всего лишь повод. Девушка нуждалась в эмоциональном исцелении, которого очень долго ждала.

На земле не было такой силы, которая заставила бы Фелисити посвятить в это Видаля.

– Не стоило приезжать в Испанию из-за завещания Филиппа, – процедил он сквозь зубы. – В письме, которое тебе отправил адвокат, все написано. В твоём присутствии нет необходимости.

– Точно так же, по-твоему, не было необходимости моего присутствия, а также присутствия моей матери в жизни отца. Ты настолько высокомерен, Видаля, что свято веришь, будто у тебя есть право осуждать людей. Тебе неплохо удается влиять на чужие жизни, верно? Ты думаешь, что ты – лучше остальных, но это не так, Видаля. Несмотря на твое положение в обществе, на твое богатство, ты намного беднее, чем самый последний бродяга в Гранаде. Ты презираешь людей, так как не сомневаешься, что все они недостойны тебя, но истина заключается в том, что именно ты, и никто другой, заслуживаешь презрения. Ты не в состоянии ощущать жалость или понимать боль. Ты не можешь испытывать настоящие чувства. Ты даже не знаешь, что такое быть человеком. – Флис словно копья вонзала в него слова, которые так долго переполняли ее.

У Видаля побелели губы. Он пришел в ярость. Как эта девчонка с сомнительными моральными принципами смеет обвинять его?!

– Ты понятия не имеешь, что я за человек, – бросил он грубо.

– На самом деле я знаю о тебе намного больше, чем ты думаешь, – парировала Флис. – Ты – герцог де Фуэнтуалва. Ты с рождения был таковым, точнее, ты родился, чтобы стать герцогом, так как семьи сосватали твоих родителей, чтобы обеспечить чистоту рода. Ты владеешь обширными землями в Испании и Южной Америке. Ты являешься представителем феодальной системы, которая требует от окружающих безоговорочного повиновения, и ты считаешь, что это дает тебе право презирать всех. Именно из-за тебя я так никогда и не познакомилась со своим отцом.

– И теперь ты приехала, чтобы отомстить? Это ты пытаешься мне сказать?

– Мне не нужно мстить, – ответила Флис, в отчаянии отвергая его обвинения. – Ты сам накажешь себя, хотя, я уверена, ты даже не поймешь, что происходит. Твоя сущность, твои взгляды не позволят тебе получить от жизни то, что ты помешал получить моим родителям, – счастливые, полные нежности и доверия отношения, возникшие по одной-единственной причине – любви двух людей. Моя месть заключается в осознании того, что ты никогда не познаешь настоящее счастье, поскольку генетически не способен познать его. Ты никогда не испытаешь истинной любви и, что самое печальное, даже не заметишь, как упускаешь что-то.

Молчание Видаля показало, что он нервничает. Флис сразу это заметила. Но она не была нежной и ранимой, как ее мама, ставшая боязливой и незаметной под давлением слишком высокомерного человека.

– Тебе никто никогда не говорил, что порой бывает опасно высказывать подобное мнение? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Может быть, но я не боюсь надвигающейся опасности, поскольку настало время говорить правду, – ответила Флис и вздрогнула, добавив: – И какой вред ты можешь причинить мне после всего того, что ты уже сделал?

Девушка не решилась продолжать. Она и так позволила боли вырваться наружу. Рассказать еще больше было бы слишком опасно. Она рисковала позволить Видалю увидеть все те шрамы, которые он оставил глубоко в ее душе и которым не суждено зажить. Он изменил ее жизнь навсегда. Лишил ее права любить и быть любимой – не только в качестве дочери, но и как женщине. Однако сейчас не время вспоминать весь тот вред, который был нанесен Флис, ее эмоциям и

чувствам. Она никогда не разрешит Видалю насладиться осознанием того, что он натворил.

Видаль изо всех сил старался держать себя в руках.

– Позволь заверить тебя насчет одной вещи, – начал он зловеще, взвешивая каждое слово. – Когда настанет день моей свадьбы, женщина, которая станет моей женой, не будет такой...

– Как я? – язвительно предположила Флис.

– Ни один мужчина, если он честен и благороден, не захочет иметь жену с моральными принципами, подобными сточной канаве. В мужской природе заложено защищать целомудрие жены, желать, чтобы интимная жизнь супругов была исключительной. Мужчина никогда не может быть уверен, что ребенок, которого носит жена, его собственный, поэтому он инстинктивно ищет женщину, в чьей верности не сомневается. Я буду верен жене в течение всей нашей совместной жизни, и того же самого я буду ожидать от нее.

Видаль был в ярости. Флис видела это, но вместо того чтобы испугаться, развеселилась. Гнев герцога вдохновил ее, усилил желание задеть его еще больнее и продолжать, пока Видаль не выйдет из себя окончательно.

Дрожь от неизведанного прежде чувства охватила Флис. Видаль, конечно, очень страстный мужчина, хотя и держит свои чувства на привязи. Женщина, которая сможет выпустить на волю его эмоции, должна быть такой же страстной, иначе она рискует погибнуть. В постели Видаль был бы...

Пытаясь отвлечься от шокирующих мыслей, Флис покраснела. Что с ней творится? Она чувствовала себя так, будто ее ударило молнией и она потеряла последние силы. Как она посмела думать о Видале подобным образом?

– Фелисити, тебе не следовало сюда приезжать.

– Говори яснее. Ты не хотел, чтобы я приезжала, – заметила Флис. Холодный тон Видаля начал нервировать ее. – Ладно, у меня есть для тебя новости. Мне уже не шестнадцать, и ты не можешь указывать мне, что я должна делать. Теперь, если

позволишь, я хотела бы зарегистрироваться в отеле. Тебе не надо было приезжать в аэропорт, – повторила она, подталкивая его к прощанию. – Нам нечего сказать друг другу. Все может подождать до завтра.

Фелисити сделала шаг, собираясь уйти, однако Видаль неожиданно удержал ее руку. Он обхватил длинными смуглыми пальцами запястье девушки. Казалось странным, что такая красивая, с ухоженными ногтями рука может обладать такой дикой мужской силой, но было именно так. Ощувив эту силу, Флис почувствовала, как участился пульс. Ее резкое: «Дай мне пройти», – было встречено мрачным взглядом.

– Я с большим удовольствием оставил бы тебя здесь, поверь, но так как моя мама хочет, чтобы ты остановилась у нас, и ждет, когда мы приедем, боюсь, это невозможно.

– Твоя мама?!

– Да, – подтвердил Видаль. – Она специально приехала из домика в горах в наш городской особняк, чтобы поприветствовать тебя в нашей семье.

– поприветствовать меня в вашей семье? – Флис с усмешкой посмотрела на него. – Ты считаешь, что я мечтаю об этом после того, как обошлись с моей матерью – гувернанткой и неподходящей невестой? После того, как твоя семья отказалась признать мое существование?

Игнорируя ярость Флис, Видаль холодно продолжил:

– Тебе следовало бы думать о последствиях, но ты не из тех, кто на это способен, не так ли, Фелисити? Ты не думаешь ни о последствиях, ни о том, как они повлияют на кого-то еще.

Флис не могла заставить себя взглянуть на него.

– У меня нет желания видеться с твоей матерью, – сказала она. – Номер в отеле...

– Разбронирован.

Нет, она не может! Она не будет. Паника охватила Флис. Она открыла рот, собираясь запротестовать, но было слишком поздно. Видадь вел ее к парковке. В неожиданно окружившей их толпе Флис оказалась вплотную прижатой к Видалю и ощутила мужскую силу и жар тела, когда она слегка коснулась его бедра с твердыми мускулами, спрятанными под дорогой тканью. Фелисити отшатнулась. У нее пересохло во рту, а сердце бешено забилося. Воспоминания вновь захлестнули девушку.

Они быстро шли под ослепительным палящим солнцем. Видимо, из-за солнца тело Флис начало пылать, и она почувствовала, что сильно покраснела.

– Тебе не помешало бы надеть панаму, – заметил Видадь, критически осматривая ее покрасневшее лицо. – У тебя слишком бледная кожа, чтобы подставлять ее нашему жаркому солнцу.

Флис наконец сообразила, что в жар ее бросило вовсе не от солнца. Слава богу, только она знала причину.

– Моя панама лежит в чемодане, – объяснила она, – но я посчитала, что она мне не понадобится, так как из аэропорта собиралась сразу отправиться в отель. Однако меня фактически похитили и заставили плавиться на солнце.

– Тебе пришлось стоять на солнце только потому, что ты решила поспорить со мной. Моя машина припаркована неподалеку, – надменно произнес Видадь.

Флис заскрежетала зубами. Как это похоже на герцога де Фуэнтуалва! Вместо того чтобы извиниться, он пытается свалить всю вину на нее. Видадь поднял руку, собираясь опустить ее на спину Флис и, без сомнения, подтолкнуть девушку к ожидавшей их машине, но Флис поспешно увернулась. Она не может позволить Видалю дотрагиваться до нее. Разрешив ему это, Фелисити изменит самой себе. И, кроме того, он слишком... Слишком что? Слишком мужественный?

Конечно же Видадь заметил ее поспешное движение, и теперь от его взгляда, полного презрения, у Флис все застыло внутри.

– Слишком поздно строить из себя робкую девственницу, боящуюся мужских прикосновений, – процедил он сквозь зубы.

Она не допустит, чтобы он так с ней разговаривал.

– Я не притворяюсь, – ответила Флис, – и это был не страх, а отвращение.

– Ты уже давно утратила право на такое целомудренное поведение, и мы оба это знаем, – горько упрекнул ее Видаль.

Ярость и что-то еще – что-то болезненное, грустное и потерянное – сжало грудь Фелисити.

Однажды, много лет назад, – или просто сейчас так казалось, – она, будучи молодой девушкой, трепетала от первой, необычайно эмоциональной влюбленности во взрослого мужчину. Флис видела в этом мужчине все, чего страстно желало ее сердце, и ощущала в нем способность удовлетворить ее невинные чувственные фантазии, порождаемые проснувшейся в ней сексуальностью. Внезапное, похожее на заряд тока ощущение пробежало по спине Флис, возбудив ее и приподняв волоски на затылке.

Фелисити вздрогнула. Ее охватила паника. Должно быть, дело в жаркой погоде. Не может быть, чтобы причиной оказался Видаль. Так не может быть, так не должно быть! Видаль ни в коем случае не станет причиной неожиданного, лишаящего ее спокойствия трепета от прикосновения, которое обдало Флис невероятным жаром. Скорее всего, это скрытое проявление того, как сильно Фелисити брезговала Видалем. Дрожь отвращения, не иначе, а вовсе не женский трепет, вызванный страстным желанием. Флис хочет Видаля? Это исключено. И это никогда не случится.

Осознав, что ее пульс участился, а сердце бешено бьется – несомненно, от праведного гнева, – Фелисити остановилась и попыталась взять себя в руки. На мгновение, пока девушка вдыхала воздух волшебного города, враждебность по отношению к Видалю была забыта. Флис была словно очарована. Да, она чувствовала запах бензина и выхлопных труб, но также ощущала запах раскаленного от солнца воздуха Гранады. Казалось, он до сих пор хранит историю Востока с его могущественными мавританскими правителями и был наполнен дорогими тонкими ароматами вперемешку с запахами специй. Если бы Фелисити закрыла глаза, она, без сомнения, услышала бы мелодию журчащей воды, столь любимой маврами, и увидела бы блеск дорогих тканей, которые проследовали по Великому шелковому пути, прежде чем попасть в Гранаду.

Историческое прошлое города, казалось, заключило Флис в свои объятия – экзотические ароматы, нежное прикосновение шелка...

– Вот моя машина.

Голос Видаля, внезапно вторгшийся в ее тайные мысли, вернул Фелисити в реальность, но недостаточно быстро, и она не успела помешать ему положить руку ей на спину. Рука Видаля словно прожигала кожу Флис сквозь одежду. Девушка представила, как мужская рука ласкает обнаженную женскую спину. Как она медленно опускается к ягодицам, поворачивает женщину к себе... Его темная кожа и ее лунная бледность... Дыхание учащается, пока он разглядывает ее, словно охотник свою жертву...

Нет! Голова и сердце Флис теперь разрывались от нахлынувших эмоций. Она должна сконцентрироваться на реальности. Даже осознавая это, девушка приложила немалые усилия, пытаясь совладать с собой.

Машина, на которую указал Видадь, была очень большой, идеально отполированной и черной – класс машин, в которых богатые и влиятельные особы разъезжают и по Лондону.

– Значит, ты не защитник природы и отравляешь окружающую среду? – Флис не могла удержаться и в очередной раз уколола Видаля, когда он открыл дверцу автомобиля, взял у нее дорожную сумку и положил ее на заднее сиденье.

Щелчок захлопнувшейся дверцы был единственным, что Флис услышала в ответ, перед тем как Видадь сел на водительское сиденье.

Означала ли эта тишина, что она разозлила его? Флис надеялась на это. Она мечтала довести его, стать вечным напоминанием о том, что он сделал с ней.

Видадь не хотел, чтобы Флис приезжала сюда. Она знала это. Его устроило бы, если бы она предоставила все решить адвокатам. Однако Флис приехала. Чтобы насолить Видадю? Нет! Дело в наследстве, а не в возмездии.

Все-таки сама сущность этой страны текла в ее крови.

Гранада – последнее пристанище мавританских правителей на полуострове. Альгамбра – Красный замок – архитектурно-парковый ансамбль такой красоты, что лицо матери Флис озарялось счастьем каждый раз, когда она рассказывала дочери о городе и его достопримечательностях. Это тоже часть ее наследства.

– Отец гулял там с тобой? – спрашивала Фелисити у мамы.

В то время ей было около семи лет, но она никогда не называла мужчину, который был ее родным отцом, папочкой.

– Да, – отвечала мама. – Однажды я поехала туда с Видалем, и к нам присоединился твой отец. Мы провели прекрасный день. Когда-нибудь ты и я вместе туда поедem, – пообещала она. Но этот день так и не настал, так что теперь Флис приехала в Гранаду одна.

Через тонированные стекла машины Фелисити могла видеть раскинувшийся перед ними город, его древние кварталы, ведущие к холму с возвышавшейся на нем крепостью. Вот она, знаменитая Альгамбра... Флис несколько не удивилась, когда Видаль свернул на улицу, застроенную зданиями шестнадцатого века, воздвигнутыми после завоевания города католическими правителями Изабеллой и Фердинандом. Высокие, времен Ренессанса сооружения воплощали богатство и привилегии высшего общества.

Фелисити была поражена, увидев, что Видаль собственноручно водит машину. Тем временем он притормозил и подъехал к огромным деревянным дверям. Когда створки начали расходиться, Флис поняла, что это ворота. Эта часть города идеально подходила надменному Видалю.

Флис почувствовала облегчение, когда от этой мысли ее отвлек вид залитого солнцем внутреннего дворика с идеально симметричными линиями. Даже плеск воды в изысканном фонтане казался равномерным.

Дом, больше похожий на дворец, окружал двор со всех четырех сторон. За аркой высотой в два этажа виднелся роскошный сад. Флис успела заметить это перед тем, как Видаль остановил машину напротив каменной лестницы. Ступени вели к деревянной двери. На втором этаже трехэтажного здания располагалась галерея. Высокие, от пола до потолка, окна были закрыты из-за послеполуденного солнца. На каменной кладке было вырезано изображение

граната. Флис было известно, что, согласно легенде, три холма, на которых расположилась Гранада, напоминающие раскрытый плод граната, дали городу его название. Да и на современном гербе Гранады есть гранат.

Над главным входом в дом был выгравирован герб герцогов де Фуэнтуалва с девизом: «Что принадлежит нам – останется у нас».

Фелисити осознавала, что она замечает подобные вещи вовсе не из-за специфики своей работы, включающей в себя поиск интересных с туристической точки зрения мест. Она стала заниматься этим бизнесом, потому что росла, читая как можно больше об истории Испании, семьи Видаля, а значит, и семьи ее собственного отца.

– Ты знаешь, что этот дворец был построен на деньги, украденные у арабского принца, убитого твоим предком? – Фелисити немедленно бросила вызов Видалю, не позволяя красоте и великолепию этого здания развеять мрачную историю богатства герцогов де Фуэнтуалва.

– Есть такая фраза: «Трофеи принадлежат победителю». Мой предок был одним из многих воинов, которые, сражаясь за Изабеллу Кастильскую, принудили Мохаммеда Двенадцатого, последнего эмира Гранады, капитулировать. Деньги на особняк были пожалованы ее католическим величеством. Кстати, договор, подписанный при капитуляции, предоставил мусульманам возможность покинуть город.

– Позже этот договор был нарушен, – язвительно напомнила ему Фелисити. – Также как твой предок нарушил обещание, данное мавританской принцессе, украденной им.

– Я советую тебе тратить больше времени на проверку своих умозаключений.

Не позволив Флис продолжить, Видаля вышел из машины и так быстро подошел к дверце пассажирского сиденья, что у Флис просто не хватило времени открыть ее самостоятельно. Проигнорировав его протянутую руку, девушка вышла из машины, твердо решив ни за что не поддаваться впечатлению, которое оказало на нее это место. Ей следует думать о трагической судьбе своей матери.

Пугали ли молодую англичанку надменность и презрение, с которыми этот дом глядел на тех, кто не жил в нем, но хотел войти? Мать Фелисити с любовью вспоминала о своей жизни в Испании, несмотря на все те несчастья, которые та ей принесла. Она была нанята родителями Видаля в качестве гувернантки, чтобы помочь ему с английским языком во время летних каникул. И она всегда признавалась Флис, что ей нравился этот маленький мальчик.

Может быть, именно в этом доме мать Фелисити впервые встретила и полюбила мужчину, который стал отцом Флис? Может быть, она увидела этого красивого испанца во внутреннем дворике? Отец был красив, конечно, но недостаточно силен, чтобы бороться за ее мать и любовь, в которой он клялся, напомнила себе Флис, чтобы не позволить романтической обстановке сбить ее с толку.

Фелисити знала, что ее мама недолго гостила в этом доме в Гранаде, так как основную часть времени она проводила в поместье, которое являлось фамильным гнездом родителей Видаля. Мысль о том, что должна была переживать мать, вызвала чувство дикой боли в груди Флис, словно стальные пальцы сжимали ей сердце – пальцы такие же длинные и сильные, как у Видаля. «Он внес немалый вклад в историю унижений и мучений моей матери», – с горечью подумала Флис, отвернувшись от Видаля, и тут же оступилась. Она подвернула лодыжку, потеряв равновесие.

Мгновенно яркий солнечный свет, прежде ослепляющий девушку, загородил Видаля – он бросился вперед, чтобы удержать ее от падения. Каждой клеточкой своего тела Фелисити хотела избавиться от его прикосновения и продемонстрировать ему, насколько ей это неприятно. Видаля, в свою очередь, не без отвращения быстро отпустил Флис, будто, прикасаясь к ней, он мог испачкаться. Ярость и гнев мгновенно запылали в душе Фелисити, но ей ничего не оставалось, кроме как повернуться спиной к Видалю. Она оказалась в ловушке – причем это касалось не только особняка, в котором она не желала оставаться. Флис была заключена в ловушку своим прошлым и той ролью, которую в старой истории сыграл Видаля. Мавры окружали свои города и дома крепостными стенами. Презрение и ненависть Видаля заточили Фелисити в крепость без права освобождения.

Следуя за ним, Флис зашла в дом, к которому вела резная, тщательно отполированная лестница из дерева.

На выкрашенных в белый цвет стенах висели портреты – строгие, одетые в мундиры или роскошные костюмы испанские аристократы смотрели на Фелисити из позолоченных рам. Флис заметила, что ни один из них не улыбался. Более того, герцоги де Фуэнтуалва смотрели на мир с презрением и надменностью – точно так же, как их потомок, Видадь.

Из-за открывшейся двери вышла полная женщина бальзаковского возраста с пронзительным оценивающим взглядом. Несмотря на то что она была скромно одета, чего Флис никак не могла ожидать от матери Видаля, женщина всем своим видом демонстрировала свое превосходство и непоколебимую уверенность в том, что она поступает правильно.

Фелисити поняла, что ошиблась, только когда Видадь сказал:

– Позволь представить тебе Розу, главную по хозяйству в нашем доме. Она проводит тебя в твою комнату.

Экономка подошла к Флис, окинула ее по-прежнему оценивающим взглядом, а затем, игнорируя девушку, повернулась к Видадю и сказала на испанском языке:

– Ее мать была очень воспитанной, эта же ведет себя как дикий, совершенно не прирученный сокол.

Глаза Фелисити заблестели от злости.

– Я говорю по-испански, – заявила она. Флис трясло от гнева и обиды. – И нет такой приманки и такого ловчего, которые смогли бы заманить меня в чьи-либо сети.

Она успела заметить ответную вспышку враждебности во взгляде Видаля, а потом развернулась, чтобы подняться по лестнице вместе со следующей за ней Розой.

Дойдя до первой лестничной площадки, Роза нарушила неловкую тишину, сказав резким голосом:

– Так, значит, вы говорите по-испански?

– А что, не должна? – с вызовом бросила Флис. – Пусть Видадь думает что угодно, у него нет права запрещать мне разговаривать на родном языке моего отца.

Без сомнения, Фелисити не собиралась признаваться Розе или кому-либо еще в этом доме, что для осуществления давней подростковой мечты встретиться когда-нибудь с отцом она тайно копила карманные деньги для занятий испанским языком. Тайно, так как Флис подозревала, что мама не одобрит подобное рвение. С раннего детства Фелисити прекрасно понимала, что маму пугают ее попытки узнать что-либо об испанских корнях. Чтобы не расстраивать маму, девочка старалась скрывать, как сильно она интересуется не только отцом, но и самой страной. Аннабель была мягким человеком, ненавидевшим конфликты и споры. Флис очень ее любила и не желала причинять ей боль.

– Знаете, вы не унаследовали характер ни одного из родителей, – продолжала прямолинейная Роза. – Я бы не советовала вам мериться силами с Видалем.

Флис остановилась и повернулась к экономке. Она немедленно напряглась. Ей была противна сама мысль о том, что, возможно, придется позволить Видалю контролировать какую-то сторону ее жизни.

– Видадь не может влиять на меня, – с негодованием отрезала Фелисити, – и никогда не сможет.

Внимание Флис привлекло движение в холле. Она посмотрела вниз и увидела Видаля. Должно быть, он слышал ее слова, о чем, без сомнения, свидетельствовал его мрачный взгляд. Видадь, вероятно, желал оказывать влияние на Флис. Если бы это было в его силах, он запретил бы ей ехать в Испанию – точно так же, как раньше не позволял Фелисити общаться с отцом.

Вспоминая, она представляла Видаля стоящим в ее спальне – комнате, которая была ее личным раем, – с письмом в руках, которое она отправила отцу несколько недель назад. Письмо, которое он вскрыл. Письмо с откровениями, родившимися в самых глубинах девичьего сердца и посвященными отцу, с

которым она так хотела познакомиться. Все нежные, распускающиеся, словно бутоны, чувства, которые Фелисити начала испытывать к Видалю, разрушились в один момент и превратились в горечь и злость.

– Флис, дорогая, ты должна пообещать мне, что больше не будешь пытаться общаться со своим отцом, – молила мать со слезами на глазах после того, как Видаль вернулся в Испанию и они снова остались вдвоем.

Конечно же Флис дала такое обещание. Она слишком любила свою маму, чтобы расстраивать ее, особенно когда...

Нет! Она не позволит Видалю снова унижить ее. Мама, в отличие от него, быстро сообразила, что тогда на самом деле произошло. Она знала, что Флис была ни в чем не виновата.

Достигнув зрелости, Фелисити поняла, что ее отец, прекрасно зная, где она находится, мог с легкостью сам пообщаться с ней, если бы захотел. Факт, что он никогда этого не делал, говорил сам за себя. В конце концов, она была не единственным ребенком, которого отверг родной отец. После смерти матери Флис решила, что наступило время двигаться дальше. Пора сохранить лишь в теплых воспоминаниях детство и любящую маму и забыть отца, отказавшегося от нее.

Фелисити теперь никогда не узнает, что же заставило отца изменить свое решение. Она никогда не узнает, почему он упомянул ее в завещании. Было ли это чувство вины или сожаление об упущенных возможностях?.. Но на этот раз Флис была уверена, что ни под каким видом не позволит Видалю указывать, что ей можно делать, а что нет.

Внизу, в холле, Видаль наблюдал, как Флис повернулась и последовала за Розой к следующему лестничному пролету. Была одна вещь, которой Видаль по-настоящему гордился. Черта характера, над которой он тщательно работал и которую постоянно совершенствовал. Это власть над собственными эмоциями. Однако сейчас его взгляд – обычно подчиняющийся Видалю – почему-то посчитал необходимым задержаться на стройных, с шелковистой кожей ногах Фелисити, пока она удалялась от него.

В шестнадцать лет эти ножки были еще стройнее. Фелисити тогда превращалась из ребенка в женщину с прелестной маленькой грудью, прикрытой тонкими майками. Она обожала их и носила, казалось, постоянно. Скорее всего, Флис вела себя по отношению к Видалю с притворной невинностью – нерешительные взгляды украдкой, нарочитое нежелание отвести восхищенный взгляд от обнаженного мужского торса, когда Флис зашла в ванную, в то время как он брился. А позже он стал свидетелем проявления истинной сущности Фелисити и понял, что она распутна и беспринципна. Интересно, такой ее создала природа или причина в том, что девочку лишили отца?

Чувство вины, от которого Видаль никак не мог избавиться, вновь овладело им. Сотни раз за все эти годы он мечтал повернуть время вспять и не произносить слова, которые привели к вынужденному краху отношений его дяди и матери Флис. Упоминание маленького Видаля о том, что Филипп поехал вместе с ним и гувернанткой на экскурсию в Альгамбру, привело к концу их роман.

Бабушка Видаля никогда не позволила бы Филиппу жениться по любви. Он был обязан руководствоваться ее выбором, а она ни за что не разрешила бы мужчине, в жилах которого течет голубая кровь, такая же, как и кровь его приемной семьи, взять в жены гувернантку ее внука.

Когда Видалю было семь лет, он не понимал этого, однако быстро осознал последствия своего невинного поступка, когда ему сказали, что милая англичанка, учительница, которая так ему нравилась, была уволена и отправлена домой. Мама Флис не обладала характером достаточно сильным, чтобы противостоять его бабушке. Когда влюбленных разлучили, никто не знал, что родится Фелисити, ребенок, чье имя бабушка Видаля запретила произносить, о чьем существовании она не желала слышать – за исключением тех моментов, когда она хотела напомнить Филиппу о позоре, которым он покрыл свою приемную семью, позволив себе зачать ребенка с простой прислугой.

Интересно, раскаялась бы бабушка, если бы она прожила дольше и увидела взрослую дочь Филиппа?

Семь лет назад Видаль искренне сочувствовал матери Флис, когда они вернулись после ужина в Лондоне и обнаружили, что Фелисити не только развлекалась на разнузданной подростковой вечеринке, но и продолжила

развлечение в спальне своей матери с пьяным грубым молокососом.

Видадь закрыл глаза, затем открыл. В его голове возникали воспоминания, которые он предпочел бы забыть. Разговор с бабушкой, когда он невольно разрушил любовные отношения своей гувернантки и названного дяди... Ночь, когда его мама пришла к Видадю и сказала, что самолет, в котором летел его отец, разбился в Южной Америке и никого не осталось в живых. Вечер, когда он увидел, как Фелисити лежит на кровати своей матери, ее медово-золотистые волосы обвивают запястье молодого человека, склонившегося над ней, а в ее глазах застыло бесстыдное равнодушие к тому, что она творит.

Ему было тогда двадцать три года. Он был мужчиной, не мальчиком. И его приводило в смятение то, какой эффект оказывает на него Фелисити. Видаля одновременно терзали и тяга к Флис, и строгие моральные принципы. Разница в семь лет между ним и Фелисити отделяла детство от зрелости и представляла собой пропасть, которую не следует осквернять. Точно так же, как нельзя осквернять невинность шестнадцатилетней девушки.

Даже теперь, спустя столько лет, Видадь был способен испытывать гнев, который в тот момент растерзал его сердце и иссушил душу. Холодный черный гнев, вновь разжигаемый появлением Флис.

Чем быстрее все вопросы с завещанием будут решены и чем быстрее Флис окажется в самолете, летящем в Великобританию, – тем лучше.

Умирая, Филипп рассказал ему, как он страдает из-за прошлого. Видадь уговорил дядю внести изменения в завещание в пользу ребенка, чьим родным отцом он являлся, но был вынужден отказаться от него. Видадь сделал это ради своего дяди, а не ради Фелисити.

Наверху, в комнате, куда ее проводила Роза, Флис осматривала обстановку. Просторная комната с высоким потолком была обставлена массивной изысканной мебелью черного дерева. С таким стилем мебели Флис была знакома по рассказам своей матери – он был типичным для богатых испанских домов. Отполированное и без единой пылинки дерево приятно блестело в свете, струящемся из высоких французских окон. Подойдя ближе, Флис обнаружила, что они выходят на маленький балкон, огражденный замысловатой металлической решеткой, выполненной скорее в классическом арабском стиле,

чем в европейском. Как она ни старалась, так и не смогла найти умышленные изъяны, которые, как считалось, всегда допускались, поскольку только Аллах может сотворить совершенство.

Балкон располагался над внутренним двором, выполненном в таком же классическом мавританском стиле. Правда, двор был скорее похож на прекрасный сад. Он был разделен пополам прямыми каналами со струящейся по ним водой, которая вытекала из отверстия, спрятанного в дальнем конце. Каждая сторона узкого канала была покрыта тротуарными плитами, почти не видными под кустами плетистых роз, источающих аромат, доносящийся даже до балкона. Земля рядом была усеяна белыми лилиями. Тропинки были выложены нежно-голубыми и белыми плитками, а вдоль стен росли фруктовые деревья. В четырех углах, вдалеке от роз, белая герань, казалось, выливалась из терракотовых кувшинов. А прямо под балконом располагалось наполовину скрытое в тени уединенное патио, обставленное элегантной мебелью.

Флис закрыла глаза. Она знала каждый уголок этого великолепного сада. Мама много раз описывала его, показывала фотографии. Она рассказывала, что изначально внутренний двор был предназначен только для женщин. Со стороны Видаля, поселить Флис в этой комнате было преднамеренной жестокостью: окна выходили в сад, который, как он знал, безумно любила ее мама. Предоставил ли он ей комнату, в которой жила мама? Фелисити подозревала, что нет. Мама рассказывала, что они с Видалем занимали последний этаж, когда приехали в Гранаду навестить бабушку Видаля.

Флис вернулась в комнату. На окнах висели однотонные шторы из парчовой темно-голубой ткани. Точно такой же тканью были обиты стулья, расположенные с каждой стороны мраморного камина. Кремовое покрывало было отделано тесьмой голубого цвета. Парчовые подушки тоже были голубыми. Темный деревянный пол блестел, а антикварный голубовато-кремовый ковер, покрывающий большую его часть, был настолько шикарным, что Флис боялась наступить на него.

Все это являлось полной противоположностью ее минималистическим апартаментам в Англии. Тем не менее декор был очень близок Флис. Наверное, склонность к подобным интерьерам была у нее в крови, досталась в наследство от отца. Если бы он не порвал с ее матерью, если бы не отказался от них обеих, Флис росла бы в этом доме, впитывая его историю, так же как и Видаля.

Видаль... Как она его ненавидит. Ненавидит и презирает. Эта ненависть намного сильнее, чем ненависть к отцу. У того, в конце концов, не было выбора. Как объясняла мать, его заставили отказаться от любимой женщины и ребенка. Он не распечатал письмо дочери с мольбой о встрече, а затем потребовал, чтобы она больше не пыталась общаться с ним. Наверняка на этом настоял Видаль. Он всегда смотрел на Флис с холодным высокомерием. Он унизил ее и оставил глубокую рану в ее сердце.

Здесь, в этом доме, все и случилось. Семья Видаля повлияла на жизнь Фелисити и ее родителей самым жестоким образом. Отсюда выгнали ее мать. Здесь ей сообщили, что мужчина, которого она любила, должен жениться на другой – на девушке, выбранной его приемной семьей. Она окончила частную школу, готовящую к замужеству девушек из высшего общества. Филипп клялся, что не любит эту девушку и конечно же не хочет жениться на ней. Так говорила мама Флис.

Тем не менее не имело никакого значения, чего хотел Филипп. Все его обещания, все торжественные заверения в любви напоминали сверкающие под лучами солнца струи воды в фонтане. Они невероятно красивые и чарующие, от них замирает сердце, но в реальной жизни они – мимолетные и хрупкие.

У влюбленных хватило времени только на то, чтобы в последний раз прижаться друг к другу и разделить лихорадочную тайную близость, которая привела к беременности матери Флис. Затем Аннабель отправили обратно в Англию, а Филиппа заставили исполнить свой долг – сделать предложение выбранной для него девушке.

– Филипп клялся, что любит меня, но он также любил и свою приемную семью и не мог послушаться их, – кротко говорила мама Фелисити, когда та, будучи маленькой девочкой, спрашивала, почему отец не уехал вместе с ней.

Бедная мама... Она совершила ошибку, влюбившись в человека, у которого не хватило сил защитить их любовь. И ей пришлось дорого заплатить за это. Фелисити никогда не допустит, чтобы подобное случилось с ней. Она никогда не позволит себе влюбиться и стать уязвимой. Ведь Флис уже знает, каково это, даже если ее чувства к Видалю не были настолько сильны.

Отбросив горькие мысли, Фелисити посмотрела на свой маленький чемодан. Мама рассказывала ей о традиционном укладе жизни этой аристократической властолюбивой испанской семьи, которую теперь возглавлял Видаль. Он заявил, что его мать настояла на том, чтобы Флис поселилась здесь. Значит ли это, что ей следует ожидать формального приема в семью? Например, во время ужина. Флис не захватила с собой вечерние наряды – только несколько смен белья, пару простых маек, несколько новых топов и одно очень скромное платье, в которое она буквально влюбилась, когда бродила по лондонским магазинам.

Флис как раз собиралась достать это платье из чемодана, когда открылась дверь и в комнату вошла Роза, держа в руках поднос с бокалом вина и разными закусками.

Поблагодарив ее, Фелисити поинтересовалась:

– В котором часу подают ужин?

– Ужина не будет. Видаль не хочет, он слишком занят, – высокомерно ответила по-испански Роза. – Вам принесут ужин в комнату, если вы проголодаетесь.

Флис почувствовала, что начинает краснеть. Грубость Розы была очевидна. Без сомнения, Видаль подсказал ей, как следует вести себя с нежеланной гостьей.

– У меня нет желания ужинать с Видалем, так же как и у него со мной, – ответила Флис. – Однако он сообщил мне, что его мать пожелала, чтобы я остановилась в этом доме, хотя у меня был забронирован номер в отеле. Поэтому я предположила, что буду ужинать именно с ней.

– Герцогини здесь нет, – коротко сообщила Роза, поставила поднос и с поджатыми губами направилась к двери. Она исчезла прежде, чем Флис успела задать следующий вопрос.

Видаль солгал ей? Его матери нет в особняке, и она не собиралась увидеться с Флис. Зачем? Почему он пожелал, чтобы она жила здесь, под крышей его собственного дома?

На мгновение Фелисити захотелось вернуться в Англию. Но еще сильнее она желала, чтобы мама была жива. Охваченная грустью, девушка присела на край кровати.

Благодаря маме у Фелисити было замечательное детство. Щедрое наследство дальней родственницы, которую Флис никогда не видела, позволило маме купить милый домик в тихой деревушке – достаточно большой, чтобы с ними переехали бабушка и дедушка. Также мама получала регулярные выплаты, позволяющие ей не работать, а заниматься воспитанием дочери. Она всегда откровенно разговаривала с Фелисити, вспоминая о Филиппе. Любовь сквозила и в ее голосе, и во взгляде. Ни капли горечи или обиды. Женщина только однажды предпочла промолчать, когда Флис начала просить отвезти ее в Испанию, чтобы она собственными глазами увидела родину отца. Кстати, мать запретила Фелисити критиковать Видаля, когда девочка осознала, что именно он предал ее родителей.

– Дорогая, ты не должна винить его, – говорила мягко мама. – На самом деле это не его вина. Видадь был просто маленьким мальчиком – приблизительно такого же возраста, как ты сейчас. Он не предполагал, какие последствия вызовет его рассказ.

Ее нежная, любящая мама, всегда готовая понять и простить тех, кто причинил ей боль...

Сначала Фелисити согласилась с мамой. Но когда Видадь приехал навестить их, то после кратковременного доброжелательного отношения он начал обращаться с Фелисити с презрением, увеличивая и без того огромную пропасть между ними и открыто показывая, что она ему не нравится. Как же мучительно страдало ее молодое уязвимое сердце от такого пренебрежения!

С той самой минуты, как она впервые увидела Видаля, выходящего из дорогого автомобиля, на котором он приехал к ним, Фелисити была сражена наповал. Она по уши влюбилась в него. Флис до сих пор не забыла тот день, когда нечаянно зашла в ванную, где брился Видадь. Ее опьяненный от любви взгляд не мог оторваться от его обнаженного торса. Конечно, это заставило ее подростковые эмоции выйти из-под контроля. В их доме жили практически одни женщины, и поэтому вид полуодетого мужчины вызвал у Флис неподдельный интерес. Но самое главное, торс принадлежал Видадю.

От волнения и желания у нее закружилась голова. Когда Флис наконец смогла выйти из ванной, в ее воображении уже возникла масса различных картин, причем в них она не просто смотрела на Видаля, а пребывала в его объятиях. Сейчас, конечно, можно было посмеяться над своей давнишней детской наивностью, но... Сексуальная близость до сих пор оставалась для девушки такой же неизведанной областью, как и тогда.

Флис отвернулась, словно пыталась уйти от осознания самой себя. Но от реальности не убежишь – она все еще была девственницей. Сколько бы стен Флис ни воздвигала вокруг себя, как бы ни отстаивала свою женскую гордость и как бы сильно ни старалась скрыть факт затянувшейся девственности – она не могла спрятаться от правды.

Фелисити задалась вопросом: что же с ней происходит? Она долгие годы прожила, не познав радости секса. Остаться девственницей было ее собственным решением. Темп современной жизни, необходимость построить карьеру не позволяли Флис встретить мужчину, с которым она захотела бы забыть свое безрадостное прошлое.

Жалеть себя девушка не собиралась, считая это неоправданным потаканием собственным слабостям. Она была уверена, что ее детство было особенным. Честно говоря, Флис до сих пор считала, что у нее есть нечто, чего нет у других, – и не только потому, что у нее была такая чудесная мама.

После смерти матери и бабушки с дедушкой большой дом стал казаться ей пустым – и в то же время наполненным болезненными воспоминаниями. В период роста цен на недвижимость к Флис обратился риелтор, который предложил ей огромную сумму за этот дом и прилегающую к нему землю. Промучившись в сомнениях несколько дней, Фелисити решила продать дом и приобрела квартиру в таунхаусе. Работа в туристической фирме занимала все ее время. Кроме того, у девушки была куча друзей, хотя многие ее одноклассники уже стали людьми семейными, а три самые близкие подруги по школе и по университету, одинокие, как и Флис, сейчас жили и работали за границей.

Легкий стук в дверь спальни заставил Флис вскочить с постели и напрячься. Она предположила, что это пришла Роза – без сомнения, с выражением осуждения на лице.

Но, как оказалось, это была вовсе не экономка, а сам Видадь. Он сменил деловой костюм на более свободную повседневную рубашку и модные летние брюки. Судя по влажным волосам, мужчина недавно принял душ. Флис почувствовала боль в сердце, и ей стало не хватать воздуха. Еще до того, как он прикрыл дверь, сам факт присутствия Видаля в ее спальне унес Фелисити в страну воспоминаний, приносящих горе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhordan_penni/dolina-schast-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)